

Роберт Льюис Стивенсон

Остров сокровищ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17008196

Аннотация

"Остров сокровищ" – классика приключенческой литературы, роман знаменитого английского писателя-романтика Р. Л. Стивенсона о поисках сокровищ на все времена. Простому подростку Джиму Хокинсу попадает в руки карта сокровищ, спрятанных пиратом Флинтсом на необитаемом острове. Отправившись на их поиски, Джим понимает, в какую сложную авантюру он ввязался и сколько трудностей ему предстоит преодолеть.

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роберт Льюис Стивенсон

Остров сокровищ

*С. Л. О.,
американскому джентльмену,
классический вкус которого
способствовал появлению этого рассказа,
теперь, в благодарность за многие приятные часы,
посвящает
с лучшими пожеланиями
его преданный друг,
автор.*

СОМНЕВАЮЩЕМУСЯ ЧИТАТЕЛЮ

Когда рассказов ряд о смелых моряках,
О приключениях их, о бурях и преградах,
О шхунах, островах, бездольных бедняках,
Оставленных на них, и о зарытых кладах,
И о разбойниках, – все в духе старины
Вам нравится еще, как нравилось мне тоже,
О, юноши, начать вы чтение должны.
А если нет, и вкус у нашей молодежи
Теперь пропал к тому, что восторгало нас,
И восхищать ее совсем уже не стали
Кингстон и Беллентейн, иль Купера рассказ
О водах и лесах, там, в необъятной дали, —
То – будь что будет!.. Мне останется одно:
Моим пиратам всем найти успокоенье:
В могилу с ними лечь, – куда легли давно
Те старые творцы, и с ними их творенья...¹

¹ Перев. П. В. Быкова.

Часть первая Старый буканьер

Глава I Морской волк в гостинице «Адмирал Бенбоу»

И о просьбе сквайра Трелонея, доктора Лайвесея и других джентльменов, пожелавших, чтобы я подробно описал Остров Сокровищ, не скрывая ничего, кроме его географического положения (так как на нем осталась еще масса богатств), — я берусь за перо в 17... году и приступаю к рассказу. Начну с того старого времени, когда еще мой отец держал гостиницу «Адмирал Бенбоу», и под нашей крышей впервые поселился загорелый старый моряк с сабельным шрамом на щеке. Я так живо помню, точно это случилось только вчера, как он подошел, тяжело ступая, к нашей двери; за ним человек вез в ручной тележке его морской сундук. Это был рослый, крепкий, грузный человек, с коричневым, как скорлупа ореха, загаром, с жирной косичкой, болтавшейся на спине, и в засаленном синем сюртуке. Руки его, с черными обгрызанными ногтями, были покрыты рубцами, а одну щеку пересекал отвратительный багрово-синий шрам от сабельного удара. Помню, как он оглядывался кругом, всматриваясь в залив, на берегу которого стояла наша гостиница, и насвистывал себе что-то под нос, а затем громко запел старую матросскую песню, которую он так часто пел после:

«Пятнадцать человек на ящик мертвеца, —
Ио-хо-хо и бутылка рома!».

Он пел высоким, старчески дрожащим и надтреснутым голосом, затем постучал в дверь концом палки, которую держал в руках и которая походила на костыль, и, когда отец мой появился в дверях, грубо заказал себе стакан рома. Когда ром был принесен, он стал медленно пить его, отхлебывая маленькими глотками, как знаток в этом деле, все поглядывая кругом на утесы и на нашу вывеску.

– Славный залив! – проговорил он наконец. – И отличное место для таверны. Что, много бывает здесь посетителей, дружище?

Отец ответил, что очень немного.

– Отлично! – заметил моряк. – Значит, как раз место стоянки для меня. Сюда, друг! – крикнул он человеку, который вез тележку. – Подъезжай к самому борту и помоги втащить сундук наверх. Я остановлюсь здесь на некоторое время! – продолжал он. – Я покладистый человек ром да ветчина, да яйца – больше мне ничего и не надо; да вот еще этот утес, откуда бы я мог следить за судами... Как вам звать меня? Вы можете звать меня капитаном... О, понимаю, чего вам надо, – вот!

С этими словами он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

– Можете сказать мне, когда эти деньги выйдут! – прибавил он, бросая на отца такой надменный взгляд, точно он был командиром судна.

Несмотря на плохую одежду и грубую речь, этот странный человек не походил на простого матроса, а скорее имел вид штурмана или шкипера, привыкшего, чтобы его слушали и боялись. Человек, который привез тележку, рассказал нам, что тот приехал накануне в гостиницу «Королевский Георг» и разузнавал о постоянных дворах на берегу; услышав хорошие отзывы о нашей гостинице и то, что она стоит вдали от всякого жилья, он предпочел ее другим. Это было все, что мы узнали о нашем постояльце.

Он был очень молчалив по большей части. Целый день бродил он по берегу залива или уходил на утесы с медной подзорной трубой в руках, а все вечера напролет просиживал в углу общей комнаты, возле огня, выпивая большое количество рома с водой. Обыкновенно он не принимал участия в общем разговоре, только неожиданно бросал иногда свирепые взгляды да высвистывал носом, точно на фাগоте. Скоро все наши посетители привыкли не обращать на него внимания. Каждый день, возвращаясь со своей прогулки, он спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк. Первое время мы думали, что он жаждет подходящей для себя компании и оттого спрашивает про моряков, но потом увидели, что он, напротив того, избегает их общества. Если какой-нибудь моряк заворачивал в «Адмирал Бенбоу», направляясь береговой дорогой в Бристоль, – как некоторые делают еще и теперь, – наш постоялец разглядывал его сначала из-за занавески у двери раньше, чем войти в комнату. И можно было заранее быть уверенным, что он в присутствии нового посетителя будет нем как рыба. Причина этого не была для меня тайной, так как он скоро посвятил меня в свои тревоги, сделав отчасти соучастником их. Однажды он отвел меня в сторону и обещал до серебряной четырехпенсовой монетке первого числа каждого месяца, если я буду зорко следить за тем, не покажется ли на берегу «моряк на одной ноге», и сейчас же дам ему знать о его приближении. Часто случалось, что, когда я являлся к нему после первого числа за своими деньгами, он только сопел носом и мерил меня пристальным взглядом с ног до головы, но не проходило и недели, как он менял свой образ мыслей, приносил мне мою четырехпенсовую монетку и повторял приказание глядеть в оба, чтобы не прозевать «морьяка на одной ноге».

Не могу и сказать вам, как преследовал меня этот таинственный одноногий моряк во сне и наяву. В бурные ночи, когда ветер завывал в углах дома и морские волны с ревом разбивались о берег залива, он чудился мне в тысяче различных образов, с самым дьявольским выражением лица. То нога его была отнята только до колена, то вся целиком. Иногда он представлялся мне каким-то чудовищем, у которого уже от рождения была только одна нога, и та посередине туловища. Самым ужасным кошмаром было то, когда он преследовал меня, перепрыгивая через плетни и канавы. Таким образом, ценой этих ужасных видений я дорого расплачивался за мой ежемесячный четырехпенсовик.

Но, несмотря на ужас, который внушал мне воображаемый одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. Случалось, что он выпивал за вечер большее количество рома с водой, чем могла выдержать его голова. И тогда он сидел и рас-

певал свои скверные и дикие морские песни, не обращая ни на кого внимания. Но иногда он требовал, чтобы и другие пили вместе с ним, и заставлял дрожавших от страха посетителей слушать истории, которые он рассказывал, или петь вместе с ним. Стены дома часто дрожали от потрясающих звуков: «Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

Все соседи присоединялись под страхом смерти к этому дикому пению, и каждый старался перекричать других, чтобы не навлечь на себя замечания, так как во время таких припадков капитан бывал страшен: он колотил рукой по столу, чтобы водворить общее молчание, и вскипал яростным гневом за всякий вопрос, который ему предлагали, иногда же именно за то, что его ни о чем не спрашивали, так как считал это за признак того, что слушатели не следят за его рассказом. Никому не позволялось также уйти в эти вечера домой раньше, чем он не напивался совершенно, начинал клевать носом и, шатаясь, отправлялся спать.

Больше всего пугали народ его рассказы. Это все были страшные истории о повешенных, о морских ураганах, о диких злодеяниях в Испанских владениях. По его собственным рассказам выходило, что он провел свою жизнь среди отчаяннейших негодяев, какие только плавали по морю. Тот язык, на котором он передавал свои приключения, пугал наших простодушных поселян почти столько же, как и те преступления, которые он описывал. Мой отец всегда говорил, что нашей гостинице грозит разорение, так как народ скоро вовсе перестанет посещать ее: кому же приятно, чтобы его пугали чуть не до смерти и затем отправляли в таком состоянии домой?!

Но, по-моему, присутствие старого моряка было только выгодно для нас. Правда, наши посетители набирались-таки порядочного страха, но его хватало ненадолго, и вспоминать страшные истории бывало даже приятно. Это вносило разнообразие и оживление в мирную деревенскую жизнь; нашлись даже молодые люди, которые, восхищаясь нашим постояльцем, прозвали его «старым морским волком» и другими подобными именами и говорили, что он из тех, которые сделают Англию грозой морей.

В одном только отношении наш жилец оказался разорительным для нас: он проводил у нас неделю за неделей, а затем и месяц за месяцем, так что данные им деньги давно уже иссякли, а отец мой не решался настаивать на получении новых. Если же случалось, что отец намекал ему об этом, он начинал так громко свистеть носом, что можно было принять этот звук за рев, и мой отец быстро исчезал из комнаты. Я видел, как отец ломал себе руки после одного из таких поражений, и уверен, что волнения и ужас, которые он переживал в эти минуты, сильно повлияли на его раннюю смерть.

За все время, что капитан прожил у нас, он не менял своей одежды и только купил несколько пар чулок у разносчика. Когда с его шляпы свалилась пряжка и один из отворотов повис, он оставил его в таком виде, хотя это было очень неудобно, когда дул сильный ветер. Я живо помню его сюртук, который он сам чинил наверху, в своей комнате, и который, наконец, превратился в сплошной ряд заплат. Он никогда не писал и не получал писем, а разговаривал только с посетителями, да и то большей частью после того, как напивался рома. Большой сундук его никогда никто из нас не видал открытым.

Только раз встретил капитан отпор, и это было тогда, когда отец уже давно страдал чахоткой, от которой он впоследствии и умер. Доктор Лайвесей пришел как-то поздно навещать своего пациента, закусил остатками обеда, которые предложила ему моя мать, и пошел в чистую комнату выкурить трубку в ожидании, пока ему приведут из деревни лошадь, так как у нас в старом «Бенбоу» не было конюшни. Я пошел за ним следом, и, помню, мне бросился в глаза контраст между изящным, щеголеватым доктором, с белоснежной пудрой на парике, блестящими черными глазами и мягкими, приятными манерами, приобретенными от постоянного общения с веселыми простоллюдинами – и грузным, мрачным чудовищем –

пиратом, который сидел, облокотившись о стол руками, и уже давно угощался ромом. Вдруг капитан – это был он – начал высвистывать свою вечную песню:

«Пятнадцать человек на ящик мертвеца, —
Ио-хо-хо и бутылка рома!
Пьянство и черт доделали свое дело —
Ио-хо-хо и бутылка рома!»

Сначала я думал что «ящик мертвеца» – это и был тот сундук капитана, который стоял наверху в его комнате, и эта мысль смешалась в моих кошмарах с мыслью об одноногом моряке. Но потом мы все-таки привыкли к этой песне, и не обращали на нее особенного внимания. В тот вечер она была новинкой только для доктора Лайвесея, и я заметил по его лицу, что она не произвела на него приятного впечатления. Он сердито вскинул вверх глаза, прежде чем начать разговор со стариком Тэйлором, садовником, по поводу нового лечения ревматизма. Между тем капитан все более и более возбуждался собственным пением и, наконец, ударил рукой по столу, что, как мы уже знали, должно было призвать всех к молчанию. Голоса в комнате сразу стихли, все, кроме голоса Лайвесея, который по-прежнему толковал что-то ясно и добродушно, попыхивая после каждого двух слов своей трубкой. Капитан несколько секунд глядел на него, затем вторично хлопнул ладонью по столу, еще пристальнее взглянул на него и, наконец, разразился окриком, сопровождая его отвратительным ругательством:

– Замолчите вы там!

– Вы обращаетесь ко мне, сэр? – сказал доктор, и получив утвердительный ответ, прибавил: – Могу вам сказать только одно, сэр, что если вы не перестанете пить ваш ром в таком количестве, свет скоро избавится от одного из гнусных бездельников!

Капитан пришел в бешеную ярость. Вскочив на ноги, он вытащил и раскрыл складной морской нож и, размахивая им, грозил пригвоздить доктора к стене. Но тот даже не тронулся с места и проговорил через плечо прежним тоном, – громко, так, что слышно было всем в комнате, но совершенно спокойно и твердо:

– Если вы сию же минуту не спрячете нож в карман, я, клянусь честью, притяну вас к суду!

Затем они обменялись взглядами. В конце концов капитан уступил и, спрятав оружие, занял снова свое место, ворча, как побитая собака.

– А теперь, сэр, – продолжал доктор, – когда я уже знаю, что на моем участке водится такой молодец, вы можете рассчитывать, что я буду следить за вами днем и ночью. Ведь я не только врач, но и судья, и при первой жалобе на вас, хотя бы за грубость, как сегодня, приму энергичные меры к выселению вас отсюда. Можете быть уверены в этом!

Вскоре после этого доктору подали лошадь, и он уехал. Но капитан притих не только на этот вечер, а и на многие следующие.

Глава II

Появление Черного Пса

Немного времени спустя после этого произошло первое из тех таинственных событий, благодаря которым мы развязались с капитаном, но, как вы увидите дальше, не освободились от его дел. Стояла суровая зима с продолжительными, трескучими морозами и сильными ветрами. В первый раз нам стало ясно, что мой отец вряд ли доживет до весны. Он слабел с каждым днем, и вся гостиница была на руках у меня и матери. У нас было дел по горло, так что некогда было уделять много внимания нашему неприятному жильцу.

В одно январское утро, очень рано – мороз так и щипал за щеки, – залив был весь покрыт седым инеем, струйки воды мягко журчали по камням, и солнце стояло еще низко, лаская своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан поднялся раньше обыкновенного и сидел на берегу со своим кортиком, болтавшимся под широкими полами старого синего сюртука, подзорной трубой под мышкой и шляпой, сдвинутой на затылок. Помню, что дыхание его клубилось в воздухе, точно белый дымок, когда он зашагал по берегу большими шагами. Последний звук, который он произнес, скрываясь за утес, выражал негодование, точно мысли его вращались около доктора Лайвесея.

Мать была наверху около отца, и я накрывал стол для завтрака к приходу капитана, когда вдруг отворилась дверь и вошел человек, которого я до сих пор никогда не видел. У него было бледное, болезненное лицо, и на левой руке недоставало двух пальцев. Несмотря на кортик за поясом, он вовсе не имел воинственного вида. Я всегда особенно внимательно присматривался к морякам, все равно, обладали ли они одной ногой или двумя, и помню, что этот человек привел меня в некоторое смущение. Он не имел вида моряка, и тем не менее все в нем напоминало море.

Я спросил его, что ему нужно, и получил в ответ, что он желал бы рому. Но когда я собирался уже выйти из комнаты, чтобы принести ром, он сел за стол и сделал мне знак подойти к нему ближе. Я остановился, держа в руке салфетку.

– Подойди сюда, сынок! – проговорил он. – Подойди ближе!

Я придвинулся на один шаг.

– Этот стол, вот здесь, для моего товарища Билля? – спросил он, подмигивая мне.

Я отвечал, что не знаю его товарища Билля, а что этот стол накрыт для нашего постольца, которого мы зовем капитаном.

– Прекрасно, – сказал он, – моего товарища Билля можно назвать и капитаном, почему бы и нет?! У Билля шрам на одной щеке и очень приятное обхождение, особенно, если он выпьет лишнее. Скажем так, ради убедительности, что и у капитана есть шрам на щеке, и скажем, если вам угодно, что именно на правой. А, отлично! Я так и говорил вам. Ну-с, так мой товарищ Билль здесь, в этом доме?

Я сказал, что он вышел погулять.

– Куда, сынок? Какой дорогой он пошел?

Я показал ему скалу, за которой капитан скрылся, сказал, какой дорогой и как скоро он должен вернуться, и ответил еще на несколько вопросов.

– О, – проговорил он тогда, – мой приход доставит моему товарищу Биллю такое же удовольствие, как и выпивка!

Выражение его лица при этих словах было не из приятных, да и у меня были основания полагать, что он сильно ошибался, если даже предположить, что он думал то, что говорил.

Но это было не мое дело, как я полагал, да и трудно было что-нибудь предпринять в данном случае.

Незнакомец некоторое время стоял около дверей, выглядывая из-за угла на улицу, точно кошка, выслеживающая мышшь. Я тоже вышел было на дорогу, но он сейчас же отозвал меня назад, и, когда я недостаточно быстро послушался, его болезненное лицо страшно исказилось, и он так крикнул на меня, что я даже подпрыгнул. Тогда его лицо приняло прежнее, наполовину вкрадчивое, наполовину насмешливое выражение и, похлопав меня по плечу, он сказал, что я славный мальчик и что он чувствует нежность ко мне.

– У меня есть сын, – сказал незнакомец, – и вы похожи друг на друга, как две капли воды. Я горжусь им. Но великая вещь для мальчиков – это послушание, сынок, да, послушание! И если бы вы поплавали с Биллем, то мне не пришлось бы знать вас два раза. А вот, наверное, и мой товарищ Билль со своей подзорной трубой под мышкой. Мы с вами вернемся в комнату, сынок, и спрячемся за дверь, чтобы сделать Биллю сюрприз!

С этими словами незнакомец вошел со мной в комнату и встал за дверью, поставив меня позади себя в угол, так что мы оба скрывались за отворенной дверью. Я чувствовал себя очень не по себе и встревоженным, как вы можете себе представить, и мое беспокойство еще усилилось, когда я заметил, что и незнакомец также, видимо, трусил. Он пощупал рукоятку своего кортика и слабее вложил клинок в ножны. Все время, пока мы стояли так в ожидании, он делал плотательные движения, точно что-нибудь застряло у него в горле.

Наконец вошел капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо через всю комнату к столу, где был приготовлен для него завтрак.

– Билль! – окликнул его незнакомец, стараясь придать своему голосу как можно больше храбрости, как мне показалось.

Капитан круто повернулся на каблуках и очутился лицом к лицу с нами. Краска сбегала с его лица, и только нос его остался синеватым. Он имел вид человека, который увидел перед собой привидение или самого дьявола, или что-нибудь еще хуже, если только бывает что-нибудь хуже этого. И, честное слово, мне даже стало жалко его, так он вдруг постарел и опустился в одну минуту.

– Пойди сюда, Билль, – продолжал незнакомец, – ведь ты узнаешь меня, ты узнаешь, конечно, своего старого корабельного товарища, Билль!

Из груди капитана вырвался подавленный вздох.

– Черный Пес! – пробормотал он.

– А кто же, как не он? – ответил незнакомец, приободрившись. – Черный Пес пришел проведать своего старого товарища по судну, Билля, в гостиницу «Адмирал Бенбоу». Ах, Билль, Билль, много воды утекло для нас обоих с тех пор, как я лишился этих двух когтей!

При этом он поднял свою искалеченную руку.

– Ну, гляди сюда! – проговорил капитан. – Я здесь, и вот что со мной сделалось! Теперь отвечай, что это значит, что ты пришел, и что тебе надо?

– Узнаю тебя, Билль! А теперь я хочу, чтобы этот милый мальчик принес мне стакан рома, и мы сядем с тобой, если тебе угодно, и потолкуем по душам, как старые корабельные друзья!

Когда я вернулся с ромом, они уже сидели за столом – Черный Пес у самой двери и притом боком, чтобы одним глазом следить за своим старым товарищем, а другим – поглядывать на дверь и вовремя спастись бегством, как мне показалось. Он приказал мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

– Чтобы никто не подглядывал в замочную скважинку, сынок! – сказал он.

Я оставил их вдвоем и вернулся за прилавком в буфет. Долгое время, несмотря на все старания с моей стороны, мне не было ничего слышно, так как они говорили шепотом. Но мало-помалу голоса их становились все громче, и до меня стали долетать отдельные словечки, по большей части ругательные, которые произносил капитан.

– Нет, нет, нет и нет. И покончено с этим! – крикнул он. А потом – Если уж качаться на веревке – так всем!

Затем вдруг донесся страшный шум попеременно с целым потоком ругательств; стол и стул полетели на пол, раздался звон стали и затем крик боли. В следующую секунду я увидел Черного Пса обратившимся в бегство. Капитан пустился за ним вдогонку, и у обоих были обнажены кортики, а у первого текла кровь из левого плеча.

У самой двери капитан замахнулся ножом на беглеца и наверное рассек бы ему поясницу, если бы не помешала наша крупная вывеска «Адмирал Бенбоу». Еще и сейчас можно видеть рубчик на нижнем ее краю. Этим ударом драка окончилась. Очутившись на свободе, Черный Пес, несмотря на свою рану, пустился бежать с такой быстротой, что в воздухе только мелькали его пятки, и через полминуты исчез за холмом. Капитан же, со своей стороны, неподвижно стоял в дверях, точно в каком-то оцепенении; затем он несколько раз провел рукой по глазам и вернулся в дом.

– Джим, – сказал он, – рому!

Говоря это, он пошатнулся и ухватился рукой за стену.

– Вы ранены? – вскричал я.

– Рому! – повторил он. – Мне надо убираться отсюда. Рому, рому!

Я бросился за ромом. Но так как я весь дрожал после всего того, что только что произошло, то разбил стакан. Продолжая возиться около крана, я вдруг услышал громкий стук от падения чего-то тяжелого. Вбежав в комнату, я увидел капитана лежащим во весь рост на полу,

В эту минуту моя мать, встревоженная криками и дракой, прибежала сверху на помощь мне. Нам удалось вдвоем приподнять голову капитана. Он дышал громко и тяжело, но глаза были закрыты и лицо имело ужасный вид.

– О, горе, горе мне! – вскричала моя мать. – Что за несчастье тяготеет над нашим домом! И еще твой бедный отец к тому же болен!

Мы не знали, как помочь капитану, но не сомневались, что он получил смертельную рану в драке с незнакомцем. Я принес рому и пробовал влить его ему в горло, но зубы его были крепко стиснуты, и челюсти нельзя было разжать – они превратились точно в железо. Мы вздохнули с облегчением, когда дверь отворилась, и вошел доктор Лайвесей, приехавший навестить отца.

– О, доктор! – вскричали мы. – Что нам делать с ним? Куда он ранен?

– Ранен?! – переспросил доктор. – Да он так же ранен, как и мы с вами! Это удар, о котором я предупреждал его. Ну, мистрис Гаукинс, отправляйтесь теперь к вашему мужу и ничего не говорите ему о случившемся, если это возможно. Я же, со своей стороны, должен употребить в дело все свое искусство, чтобы спасти этому молодцу жизнь. Джим принесет мне таз!

Когда я вернулся с тазом, доктор уже разорвал рукав капитана и обнажил его мускулистую руку, которая была вся татуирована надписями вроде: «Здесь счастливое место», или «Благоприятный ветер», или «Билли Бонса мечта». Все это было ясно и четко написано на предплечье, а выше, около плеча, сделан был (очень искусно, по моему мнению) набросок виселицы, на которой раскачивался человек.

– Пророческий рисунок! – проговорил доктор, дотрагиваясь пальцем до изображения виселицы. – А теперь, мистер Билли Бонс, если это действительно ваше имя, мы взглянем на цвет вашей крови. Джим, – обратился он ко мне, – вы боитесь вида крови?

– Нет, сэр! – отвечал я.

– Отлично! В таком случае, держите таз!

С этими словами он взял ланцет и вскрыл вену. Много крови вышло раньше, чем капитан открыл глаза и обвел все туманным взором. Прежде всего он увидел доктора, и брови его

нахмурились, потом взгляд его упал на меня, и он успокоился. Но вдруг лицо его исказилось, и он сделал усилие приподняться, воскликнув:

– Где же Черный Пес?

– Здесь нет Черного Пса! – отвечал доктор. – С вами был удар, как я предсказывал вам, так как вы не переставали пить ром, и вы были уже одной ногой в могиле, но я помог вам выкарабкаться оттуда, не скажу, чтобы по собственному желанию. А теперь, мистер Бонс...

– Это не мое имя! – прервал его капитан.

– Все равно, – сказал доктор. – Это имя одного моего знакомого морского разбойника, и я зову вас так для скорости. Вот что я хочу сказать вам: один стакан рому не убьет вас, но если вы выпьете один, то за ним последует и второй, и третий, а я вам говорю, что если вы не перестанете пить, то умрете. Понимаете? Умрете и пойдете в приготовленное для вас местечко, как тот человек в библии. А теперь сделайте усилие и пойдете. Я доведу вас до вашей постели!

Мы с большим трудом провели его наверх и уложили в постель. Голова его сейчас же откинулась в изнеможении на подушке, точно он лишился чувств.

– Ну, так запомните же хорошенько, – повторил доктор, – говорю вам, что ром – это смертельный яд для вас!

С этими словами он отправился к моему отцу, взяв меня под руку.

– Это обойдется, – сказал он, как только затворил за собой дверь. – Я выпустил у него достаточно крови, и он оправится. Он только пролежит с недельку в постели – это будет самое лучшее и для него, и для вас. Но второй удар не сойдет ему так легко с рук.

Глава III

Черная метка

Около полудня я вошел в комнату капитана с прохладительным питьем и лекарствами. Он лежал почти в том же положении, как мы оставили его, только несколько выше, и казался в одно и то же время ослабевшим и возбужденным.

– Джим, – сказал он, – вы один здесь славный малый, другие ничего не стоят. И вы знаете, что я всегда был добр с вами, и каждый месяц давал по четыре пенса серебром. А теперь вы сами видите, дружище, в каком я жалком положении и лишен всего. Так вот, Джим, принесите мне кружечку рому, а?

– Но доктор... – начал я.

Тогда он слабым голосом, но энергично обрушился на доктора.

– Все доктора ничего не понимают. Да и что может знать здешний доктор о морях, скажите на милость? Я бывал в странах, где было жарко, как в горячей смоле, и кругом меня валились с ног мои товарищи от желтой лихорадки, а земля колыхалась от землетрясения, точно море, – разве доктор знает такие страны? И я жил только ромом, говорю вам. Он был для меня и питьем, и едой, заменял мне семью и все. Если я не выпью теперь рому, я буду все равно как старое негодное судно, выброшенное на берег, и кровь моя падет на вас, Джим, и на этого душегубца доктора!

Он откинулся назад с проклятиями.

– Взгляни-ка, Джим, как у меня шевелятся пальцы, – продолжал он жалобным голосом. – Я не могу удержать их, чтобы они не шевелились. Я ни капли не выпил за сегодняшний день. Этот доктор просто дурак, говорю тебе. Если я не выпью глоточка рома, мне придутся всякие ужасы, и я уже видел кое-что. Я видел одного человека, старика Флинта, вон там, в углу, позади вас, так же ясно, как если бы это было нарисовано. Сам доктор сказал, что один стаканчик не убьет меня. Я дам вам гинею, Джим, за одну кружечку, только одну!

Возбуждение его все росло, и я встревожился за моего отца, которому было очень плохо в тот день и нужен был покой. Кроме того, меня убеждали слова доктора относительно одного стакана рома, и оскорбило предложение капитана подкупить меня.

– Не надо мне ваших денег, – сказал я, – кроме того, что вы должны моему отцу. Я принесу вам один стакан, но только один!

Когда я принес ему рому, он жадно схватил стакан и выпил его до последней капли.

– О, о! – сказал он, – Так-то получше, честное слово! А что, дружище, говорил доктор сколько времени лежать мне на этой старой койке?

– По крайней мере, неделю! – отвечал я.

– Гром и молния! – вскричал он. – Целую неделю! Но я не могу ждать так, долго: «они» пришлют мне «черную метку». Негодяи наверно бродят уже и теперь тут. Не умели держать свое, а теперь зарятся на чужое! Разве такое поведение достойно моряка, хотел бы я знать? Но меня трудно провести. Я никогда не сорил своими деньгами и терять их не желаю. И я прогнать их отсюда. Меня они не запугают, нет! Не на того навали!

С этими словами он с усилием поднялся на постели, опираясь на мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул, от боли, и передвигая ноги с таким трудом, точно это были мертвые колоды. Энергичные слова его не соответствовали слабому голосу, которым они были произнесены. Сев на край постели, он остановился, чтобы передохнуть.

– Этот доктор доконал меня! – пробормотал он. – В ушах у меня стоит зван. Положи меня опять!

Но не успел я помочь ему, как он сам упал в прежнее положение и некоторое время лежал молча.

– Джим, – проговорил он наконец, – видели вы этого моряка сегодня?

– Черного Пса? – спросил я.

– Да, – проговорил он. – Он скверный, человек, но есть и еще хуже, тот, кто прислал его сюда. Так вот, если мне нельзя будет уехать отсюда, и они пришлют мне «черную метку», то помните, что им нужен мой сундук... Тогда садитесь на лошадь и скачите к доктору, пускай он созовет людей и перехвати их – это все шайка старого Флинта. Я был помощником Флинта и один знаю его тайну, знаю, «где лежит»... Он открыл мне это перед смертью. Но надо подождать, чтобы они прислали мне «черную метку», раньше нельзя никому говорить об этом.

– Что это за «черная метка», капитан? – спросил я.

– Это вызов, дружище! Я расскажу вам об этом, когда пришлют. Будьте настороже, Джим, и глядите в оба. А уж я разделю с вами «это» поровну, клянусь честью!

Голос его сделался слабее, и, наконец, он умолк. Вскоре после этого я дал ему лекарство, и он принял его, точно ребенок, проговорив:

– Если когда-нибудь моряк желал лекарств, так это я!

Наконец он впал в тяжелый сон, похожий на обморок, в котором я и оставил его. Не знаю, что бы я сделал, если бы все обстояло благополучно; вероятно, я рассказал бы всю эту историю доктору, так как страшно боялся, что капитан раскается в своей откровенности и покончит со мной. Но обстоятельства сложились самым неожиданным образом: мой отец внезапно умер в этот вечер, и это заставило меня забыть о всем прочем. Наша печаль, посещения соседей, хлопоты по устройству похорон и не прекращавшаяся суeta в гостинице поглощали все мое время, так что я едва находил свободную минутку думать о капитане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.